

Наверно, чтобы перечислить все его звания и награды, не хватит и целой статьи: ордена Красной Звезды (1945), Отечественной войны 2-й степени (1985); медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многие другие. И это только воинские награды, а ведь еще он носит звание «Заслуженный профессор Казанского университета» (2004), был лауреатом Первой премии Казанского университета за лучшую исследовательскую работу в 1957, 1962 и 1993 годах.

– Николай Николаевич, а как началась ваша служба в армии? Насколько мне известно, Вас призвали еще до начала Великой Отечественной войны...

– Стоит начать с того, что в детстве я, начитавшись романов и повестей о великих открытиях, хотел стать капитаном дальнего плавания, готовился к этой профессии. В итоге после десятого класса пошел в Ленинградский институт инженеров водного транспорта на судоводительское отделение. Необходимо пояснить, что школу я окончил и в институт поступал в 1939 году. И как только мы начали учиться в Ленинграде, 1 сентября, началась всем известная Вторая мировая война. Уже 4 сентября состоялась внеочередная сессия Верховного совета СССР, где было решено призывать на службу в армию всех, начиная с 18 лет. Под эту категорию попадали и мы, и 19 сентября я уже попал в воинскую часть, начал свою военную службу. Таким образом, прослужил два года до Великой Отечественной войны и один год после нее: меня оставили как срочника обучать новое поколение боевому опыту. Войну я прошел в авиации: с 1941 года служил в Северо-Западном фронте, был механиком авиации и остался там до 1946 года.

– Какой случай из военных лет запомнился Вам больше всего?

– Наверно, это те действия, за которые меня наградили орденом. Обычно техническому персоналу давали медали, но мне дали орден. Вспоминается мне день, когда мы вылетали на бомбежку

Кёнигсберга и Восточной Пруссии. После второго вылета мою машину подбили, сделали громадную дыру в плоскости. На тот момент третья воздушная армия впервые работала именно на германской территории, и поэтому было много корреспондентов, фронтового начальства.

После того, как нас «подстрелили», все это начальство стало расспрашивать главного инженера, как скоро машину починят, и он пообещал это сделать за 2-3 дня. Я в это время решил, что могу ускорить этот темп, и принялся за работу. В итоге у меня ушло 40 минут, и, конечно же, все комиссии были поражены, а мы смогли вылететь дивизией, а не полками. Кстати, главный инженер хотел запретить вылет моей машины, но комиссар полка сказал: «Непримеров – коммунист, и если он выпускает машину в полет, то он отвечает головой». Примечательно, что корреспонденты фронтовых газет описали этот особый вылет с подбитой машиной. За эту подготовку машины меня и наградили орденом.

– Как состоялся ваш переезд в Казань? Перевод в Казанский университет?

– В Казань я перебрался в 1946 году, причем переехал не один, а вместе со своей супругой Верой Васильевной Зиновьевой, с которой мы познакомились еще во время войны. Кстати, интересно, что штамп о заключении брака у меня стоит не в паспорте, а в Красноармейской книжке. Что же касается переезда, то время тогда было голодное, и мое решение перебраться сюда во многом было связано со стремлением помочь своей семье.

В Ленинградском институте инженеров водного транспорта мне тогда сказали, что в Казани лучше выбрать технический вуз, поскольку такая направленность больше соответствует ранее выбранной мной профессии. Так я попал на физико-математический факультет Казанского университета.

Именной стипендиат, я окончил университет с отличием в 1951

году и остается при нем в аспирантуре у **Семена Александровича Альтшулера**. Диссертацию мне удалось защитить до завершения срока аспирантуры, и уже в этой работе мне довелось совершить открытие: связал вращение плоской поляризации микроволн с магнитным резонансом, впервые наблюдал вращение плоскости поляризации микроволн в магнетиках.

В целом же, во время своей работы в университете я занимал самые разные должности: был ассистентом, доцентом, в период с 1960 по 1992 заведовал кафедрой радиоэлектроники. Являлся также главным научным сотрудником научно-исследовательской лаборатории «Физическая динамика гетерогенных сред».

– В 1955 году Вы заключили первый в истории Казанского университета хозяйственный договор с производственным объединением Татнефть. Какую разработку Вы представили практикам?

– В результате многолетних экспериментов нами создана уникальная технология добычи нефти. Традиционно нефтедобыча составляет 30-50%, а с помощью нашей технологии – 70-80%. Геологи нередко отвергают предложенный нами вариант на том основании, что никто в мире так не работает, однако на самом деле мы основываемся на фундаментальных исследованиях. Суть же этой разработки состоит в том, что нами установлены фундаментальные законы явления переноса в пористых средах и механизмы взаимодействия флюида с вмещающим его коллектором. Эти знания впервые позволили выделить шесть режимов в разработке нефтяных месторождений (геологический, гидрогеологический, гидродинамический, теплофизический, физико-химический и постнефтяной) и ставить оптимальные условия, при которых возможно практически полное извлечение нефти из недр при средних темпах отбора, низкой степени обводненности сырья и минимальной себестоимости добычи.

– Наверно, такие разработки практики восприняли очень охотно?

– Совсем нет. Дело в том, что я брался за целые нефтяные

месторождения, чтобы разработать данную технологию, геологи же постоянно подчеркивали, что не могут рисковать месторождениями. В итоге, мной был выбран участок месторождения на Центрально-Азнакаевской площади (Ромашкинское месторождение), там было 26 скважин.

О результатах исследования, о разработанной технологии было доложено на научно-техническом совете, но мой проект не утвердили, а предложили выступить с ним на Центральной комиссии по разработке нефтяных и газовых месторождений в Москве. Несколько месяцев я дорабатывал проект для москвичей, получилось 6 томов. На мой доклад были собраны все проектировщики страны, с учетом ответов на вопросы он длился 7 часов. В итоге, формально комиссия проголосовала за выделение скважин и финансирования, но на практике все было гораздо сложнее... Достаточно сказать, что разработанная нами технология до сих пор и не внедрена повсеместно...

– А как в университете развивалась связь науки с практикой?

– В советское время университет неохотно «связывался» с практикой, поэтому и работ такого типа, как у меня, не было. Я начал работать в университете, когда ректором был **Михаил Тихонович Нужин** (был ректором в 1954-1979 гг.). Он сам одно время пытался заниматься хоздоговорной деятельностью, но потом под влиянием университетской общественности отказался от этого. Своей целью Михаил Тихонович ставил увеличить количество профессоров в университете с 20 до 100, и ему удалось ее выполнить: удалось открыть докторантуру, отправлять особо талантливых ученых повышать квалификацию в ведущие вузы страны. Кстати, затем, в советское время, связь с практикой постепенно сходилась на нет.

Таким образом, хоть и считается, что необходимо укреплять связь науки и производства, слова расходятся с делами. Дело в том, что фундаментальная наука находится в глубочайшем кризисе, и поэтому ничего «путного» предложить предприятиям не может.

Только после становления университета в качестве федерального, с приходом ректора **Ильшата Гафурова** началось развитие не только фундаментальных исследований.

– Насколько мне известно, вы также активно занимались переподготовкой кадров для нефтяной промышленности.

– Действительно, мне довелось стать одним из организаторов факультета по переподготовке кадров нефтяной промышленности. Я остро нуждался в кадрах, которые владеют практикой нефтяной промышленности и имеют хорошее образование. В итоге в 1976 году мне удалось добиться от Бюро татарского обкома партии разрешения на открытие специального факультета по переподготовке кадров для нефтяной промышленности. Важно, что другие специальные факультеты начали появляться только через три года.

– Вы ведь активно занимались и разработкой образовательных программ?

– Вообще моя жизнь в университетские годы разделилась на две части: одна часть была связана с практикой, с объединением Татнефть, а вторая – с фундаментальной наукой. Я активно взялся за разработку курса по научному прогнозированию, читал его больше 30 лет. Особенно меня интересовал вопрос экстраполяции (прим. ред.: один из методов прогнозирования) в ходе исторического развития.

Помню, как меня отправили в командировку в Москву работать в комиссии по составлению планов и программ. Вообще, в составе этой комиссии мне довелось заседать в течение десяти лет, и примерно через пять лет я понял, что моя программа по научно-техническому прогнозированию может реализовываться не только в Казанском университете, но и во всех вузах страны. Однако на этом поприще мне довелось потерпеть неудачу: когда стали проверять, где читается подобный курс, то выяснилось, что только в трех институтах: в Санкт-Петербурге, в Казани и в Томске. Так курс сняли с преподавания, и с тех пор у нас в

стране нет такого предмета, как научно-техническое прогнозирование. Вообще, по-моему, совсем нелогично, что мы движемся на ощупь.

Вообще, подводя некоторый итог, могу сказать, что в своей жизни я сделал несколько вещей: написал «Конституцию Вселенной» (прим. ред.: так называется одна из монографий Н.Н. Непримерова), создал новую технологию, разработал физику дискретных сред и самое главное написал программу социального наследования, то есть тех знаний, которые должен получать каждый человек, вступающий в жизнь.